

Дашутке!

1.

Сильнейший взрыв в голове нашей броневой колонны гроыхнул внезапно, когда мы с поручиком Блаватским вели мирную полемику о фашистской сути христианской доктрины. Моим доводом было предположение, что когда делаешь больно другим, то делаешь больно самому себе - что абсолютно противоречит концепции бесконечного ада. Блаватский на это не возражал - лишь добавил в азиатском стиле, что, мол, в белом облаке не увидишь ни следа уродства.

Тут как раз и **нуло.

Земля слегка заколыхалась, наша штабная машина резко тормознулась, ковырявшийся спичкой в зубах замполит Акула чуть не упал со скамейки, а я, как всегда, ударился обо что-то головой. Зюзель, сжав кинокамеру, совершил невидимую глазу психическую стойку. Берс не среагировал – видать, всё читал про себя какую-то санскритскую мантру. Я инстинктивно схватился за откидной столик, на котором стояла допотопная армейская рация – но меня тут же отпихнул прикидывая к ней майор Влад, мгновенно щёлкнувший чёрным тумблером.

Из рации раздался хриплый нервный голос:

- Канарейка, ****ь! «Двухсотый» у меня!!!

- ** твою мать... – произнёс Акула.

- И два «трёхсотых»! Прикройте доктора!! – сильно обеспокоено добавили из рации.

Только тут я заметил, что за ни чем не защищёнными деревянными бортами нашей машины стоит беспорядочное стрекотание множества выстрелов из автоматического оружия.

Все молчали. Блаватский слегка улыбался. Шли секунды. Воспользовавшись общим замешательством, Зюзель без лишних слов пружиной рванул из своего угла и, сжимая в руках старую битую кинокамеру «Конвас», резко откинул брезент, выскакивая наружу прямо таки кастанедовским способом.

- Куда, бля?!!! – заорал Акула, сделав машинальное движение рукой в пустоте, которое – движение - если б не идущий вокруг смертельный бой, всех бы наверняка повеселило.

Откуда-то сбоку загрохотал крупнокалиберный пулемёт.

- С пятиэтажки, кажись, ****рят... - сказал майор Влад.

«По Зюзелю?!» - я мгновенно внутренне прогнал ужасную неправильную догадку, но что-то, наверное, отразилось на моём лице.

- Скоро всё закончится! - ободряюще улыбнулся Блаватский.

- Дилетанты какие-то... - предположил Влад, - Надо было по нашей машине ***чить.

Было бы сразу четыре «двухсотых». Плюс вы, журналюги, в бонусе. И куда вообще этот ****ый режиссёр пошёл? Всё равно ведь плёнку изымаем...

«Это у Зюзеля-то?» - мысленно хмыкнул я.

Как мне показалось, скоро, по рации сказали, что вертолёт уже на подходе. Стрельба в нашем восприятии трансформировалась тем временем в ничего не значащий производственный шум. Захотелось закурить.

- Можно мне выйти? – спросил я.

- Да нет, лучше не надо... - посоветовал Блаватский.

- А здесь курят? Я забыл.

- Не, не курят. Из-за меня! – снова улыбнулся он, - Я же Рериха ученик.

Берс продолжал отрешённо смотреть в никуда – то, которое проходило насквозь беззвучно бормочущего фамилии бойцов отряда, ехавших впереди нашей попавшей в засаду броневой колонны, замполита Акулу. Губы Берса быстро-быстро пошевеливались в

мантре, как у глубоководной рыбы, накачанной метамфетаминами – тогда как Акула человеческого облика не терял, вызывая ассоциации скорее с исследованием пограничных возможностей абстрактного творчества. Майор Влад внимательно проверял свою амуницию, ожидая неминуемых дальнейших профессиональных военных действий вокруг.

Стрельба резко прекратилась. Сразу же стал слышен шум вертолётных винтов. В радиии начались какие-то абсурдные переговоры о каких-то снайперах и красной «девятке» у третьего подъезда.

Шум вертолётных винтов приближался, очищая моё слуховое восприятия от фантомного грохота уже стихшей стрельбы. Потом раздался взрыв с той стороны, где были типовые многоэтажки чеченского города Аргуна. Аргун – склоняется, не склоняется?

- По этой пятиэтажке как раз ракетой и за***рил, небось... - зло прокомментировал Акула, - Кто ж «двухсотый» то у нас? Ё-о-о... Вот тебе, *****, и День Независимости, *****ый Бин Ладен, мудозвоны, кровососы... Да и этот ещё, сука, тоже мне, гауляйтор Чебоксар! Да кто в такой день вообще куда-то ездит?! Каждый, *****, раз - одно и то же, *****, одно и то же...

Он достал сигарету и закурил, его руки дрожали от избытка адреналина, который он пытался выплеснуть в ругани в адрес политических верхов. С первого дня наших документальных киносъёмок мне нравилась вербальная аура Акулы, замполита отряда спецназа внутренних войск «Ярило». Вот и сейчас - на одном мыслительном плече свежий труп пока неизвестно кого конкретно из боевых товарищей, а на другом - всем знакомое, абстрактное цивилизационное чмурьё из телека. Что касается гауляйтора Чебоксар, то, как я уже слышал, этой кликухой бойцы погоняли своего, небось, красномордого военачальника внутренних войск генерала, *б ты, Горбунца, содержавшего, по слухам, тайную гигантскую свиноферму где-то под Толстой-Юртом. А словом «*****ь», мне так тоже показалось, бойцы называли смерть и всю прочую хтоническую власть.

- Третья мировая... - пожал плечами Блаватский.

- Время Калачакры! – неожиданно подал свой позитивный голос Берс, домедитировавшийся уже, небось, до белых мышей в боковом зрении.

Шум винтов утих, как будто вертолёт приземлился где-то в голове нашей колонны.

- «Трёхсотых» заберёт, на Моздок, - прокомментировал Акула, уже не так агрессивно, как до этого, и как бы привычно устало, - Старина Хэм, небось, уже их первично обработал... Эх, а кто ж «двухсотый» то у нас?

- А кто был на первой броне? – спросил майор Влад, деловито щёлкнув затвором пистолета.

Ответом ему было молчание.

Ещё какое-то время – мне показалось, довольно долгое - все мы продолжали чего-то ждать.

«Люди всюду гибнут, - очень-очень быстро думал я, - Не только на войне. А болезни, цунами всякие, землетрясения? Но круче всех собирает свою гибельную жатву обычный дорожный трафик. **ли террористы? Они просто, кажись, пытаются вернуть легитимность насилию, как атрибута величия человеческой воли, а не тупо сломавшегося набора шестерёнок. Для одних всё в лапах Аллаха, самолёты с небоскрёбами, пояса шахидов - для других сосульки с крыш во время мартовской оттепели. Для негров, ищущих лучшей доли - перевернувшаяся в океане переполненная чёрной плотью лодка, всего в полукилометре от Ибицы. Чернобыльцам и японцам – облучение изотопами, а для Николы Чаушеску с Индирой Ганди – расстрел собственными телохранителями. Подводникам кислородное голодание, шахтёрам алкоголизм и галлюцинации. Немца Йохана убил из автомата чеченский камикадзе, москвичку Наташу – российский новобранец, и обоих вроде как случайно. Улица Гурьянова, «Норд-Ост», Беслан. Сценаристку Надю убил царь-алкоголь. Кашей повесился, Санчес разбился. Кладбища переполнены незаменимыми людьми. Небо и Земля лишены сострадания, вся тьма вещей

для них подобна соломенному чучелу собаки, что используют при жертвоприношениях. И мудрый лишён сострадания, он понимает, что все люди – и родные, и близкие – подобны этой соломенной собаке. Неслыханные слова рождаются сами собой. Ураганный ветер не может дуть с утра до вечера, буря с дождём не может продолжаться целыми днями. Кто же установил это? Небо и Земля. Небо и Земля полны величия, однако и они не вечны. Тем более, может ли человек равняться с ними? Не загадка, что...»

- Вылазим из машины! – резко скомандовал поручик Блаватский, прерывая мой поток сознания, - Глянем, что да как...

Он откинул брезентовый полог, опустил задний борт и первым выпрыгнул вовне. Не считая, понятно, нашего героического режиссёра Зюзеля - для которого кино всегда было и есть важнее любой окружающей реальность.

2.

Зовите меня Архип, если что.

Солнце садилось за море, и к нему вела дорога абстрактной ширины и длины из зеркального отражения частиц солнечного ветра - фотонов, там, кварков, прочих невыразимых штуквин. Окружённая горами, Ялта на берегу моря фигачила в пространство послание о том, как вылезали из моря на берег первые разумные, так сказать, существа. Огромные, как горы с лапами, или невидимые никакому глазу – но одинаково ощущавшие полноту жизни, меркнушую и вспыхивающую бесконечное число раз, будто в первый.

Крым загипнотизировал меня ещё в первый туда приезд, в тринадцать лет - за полгода до апрельского пленума КПСС, начавшего перестройку страны СССР, в которой я родился и которой принадлежал тогда Крым. Первые сигареты, пиво, и почти обнажённые недостижимые тогда девушки неземной красоты, и широкоэкранный просмотр фильма Вима Вендерса «Париж-Техас». С тех пор я всегда хотел быть здесь, забив на Москву и вообще на все места в мире, где нету моря и тут же, рядышком, гор.

А теперь, в якобы новом христианском тысячелетии, на оборудованной многочисленными электрическими огнями, пальмами и барами набережной, Ялта гремела десятками дискотек. Вечерняя прохлада придавала сил как следует побеситься, подёргаться в шаманском экстазе под что-нибудь типа «Продиджи», «Воплей Видоплясова» или «Аукцыона». Накуриться анаши по самые бронхи, да напиться крепкого алкоголя, предавшись размышлениям о войне, искусстве и любви.

Вместе с тобой, моя любимая, всегда было интересно занырнуть глубоко за границу между органикой и неорганикой, чтоб зачерпнуть оттуда гигантскую порцию щедрости и бесстрашия. Особенно круто это было делать в Ялте, где прошла последняя конференция по разделу мира между одним нашим упырем и двумя забугорными соглашателями, сдавшими общечеловеческие ценности за благо своих отдельных наций. Но могло быть и хуже – хорошо, что Черчилль постоянно бухал, а Рузвельт вообще думал об атомных бомбах, одной или двух. Упырю в Ялте хотели недавно поставить памятник, перед Ливадийским паласом, где они заседали, тогда, в сорок пятом – да побоялись, видать, мнения крымско-татарского народа, с которым упырь жестоко обошёлся за миф о белом коне, подаренном Гитлеру. Мы с тобой, любимая, такой памятник быстренько бы угандошили каким-нибудь варварским способом - чисто из анархических медийных установок. В наши тёмные времена здравый смысл присутствует, похоже, только в спонтанном насилии над общественным сознанием цивилизации алчных параноидальных олигофренов.

Мы дружно покурили в леске у дискотеки «Лимпопо» здоровенную папиросину с местными шишками-убийцами. Ты пустила мне свой фирменный «паровоз», и мы быстро пошли куда-нибудь в общественное место, побухать и поглазеть на род человеческий.

Только не в «Лимпопо», оно нас уже порядком подза**ало. Пришли, и засели на веранде под открытым звёздным небом какого-то ночного клуба. На сцене начиналось шоу - мужской стриптиз.

- Мистер Экстаз и мистер Мускул! - провозгласил со сцены мужик в пиджаке, после чего шатающейся походкой скрылся за шторой. Взыла «АББА» в даб-транс-версии. Мы пригубили текилы, полируя анашу.

- Я тебя люблю! - только и успел сказать я, как мы были поражены зрелищем выскочивших на сцену, в разноцветных лучах осветительных примочек, мистера Мускула и мистера Экстаза.

На Экстазе, в плюс к легкомысленным стрингам, была надета огромная искусственная львиная голова - грязная и с пролежнями, как будто её использовали при съёмках сцен уничтожения первых христиан у голливудского режиссёра Гриффита лет эдак сто назад.

Мистер Мускул обходился без этих дешёвых спецэффектов – впрочем, наверняка они менялись ролями изо дня в день, чтобы не перегрызться из-за надоевшего имиджа. На хрен им вообще понадобилась эта вонючая голова – разве что для смеха?

«Между комедиями с одной стороны и оргиями и празднествами культа плодородия с другой существует явная преемственность. Оттого то христианская религия и комедия и находятся в столь жёсткой и непримиримой оппозиции друг к другу. Смех – единственное оружие против тотального насилия над личностью, осуществляемого церковью и государством...» - всплывало в моей расслабленной голове что-то запутанное, чужое и академическое.

Тем временем публика на стриптиз двух мистеров реагировала вяло, окутываясь недалёкой буржуазной рефлексией. Здесь, окружённый горами и отзомбированный морем, человек просто продолжает спать в материнском лоне природы. Я ж, переживший травму рождения в зимней неприветливой столице империи зла, и неприветливые лица врачей в белых халатах, да будет земля им пухом – я обязательно должен буду однажды покинуть Москву и осесть где-нибудь в окружении вневременных вод. И успокоиться, подвязывая с моими дурацкими принципами исследователя жизни наизнанку. Вжиться – хоть здесь, в Крыму, хоть на любом побережье Британии. А лучше вообще в Новой Зеландии, подальше от ваххабитов.

Я понюхал твои волосы, чтобы понять, что имеется в виду в книжках, когда пишется, что волосы пахнут морем - но так этого и не понял, я вообще по запахам не спец, у меня трижды сломанный нос с кривой внутренней перегородкой. Краем глаза я обратил внимание на интересную картину про парочку милых пьяных антидостоевских проституток, махающих руками так, будто они сбрасывают усталость от неискреннего секса. Вскоре девчонок усадили обратно, в большую компанию тупорылых славянских гопников, из которой они вышли потанцевать под Бритни Спирс, хлебнув поддельного красного левобережного портвейна, или еще чего-нибудь в том же духе. Их мало что волновало - минут пять назад одной из них сильно съездил по лицу её кавалер, но даже это было уже напрочь позабыто их весёлым сообществом. Мало ли чего бывает на земле, где война не прекращается с тех пор, когда и письменности-то ещё толком не изобрели, и непонятно зачем вообще тогда изобретали.

Шоу набирало обороты. Покрутившись вместе с мистером Мускулом в разные стороны вокруг блестящего металлического шеста, торчащего из центра сцены, мистер Экстаз выбежал в зрительный зал, уставленный столиками без свободных мест - и стал изображать пылкую страсть к наиболее эффектным зрительницам. Профессионально не помня о всяких глупых в его ситуации страстях, танцор был практически бесконтактен. Легкий массаж спины. Всем было весело. Никакого мужского стриптиза в Ялте раньше я не видел - или попросту не помнил. Как и многое другое, когда я с тобой.

Помню, Экстаз мельком посмотрел на меня - я успел сделать легкий дружелюбный жест рукой - и схватил тебя в свои заученные объятия. В отличие от него ты танцевать умеешь - правда, предпочитаешь старый добрый рок-н-ролл и авангардный транс. Я тоже умею